

А. Н. Ливанова

О СЕМАНТИКЕ ГЛАГОЛОВ *ВИСЕТЬ* И *HENGE*

Глагол *henge* относится к стативам — одной из важнейших групп, обычно выделяемых среди глаголов, а в рамках этой группы — к группе глаголов положения в пространстве, куда входит «большое число глаголов, описывающих положение человека, животных, артефактов и объектов природы в пространстве»¹. Сама же эта группа входит в более крупную группу глаголов «бытия-существования в определенном времени и пространстве», в которой базовыми являются глаголы *находиться*, *располагаться*². Важнейшими из них обычно признаются те, которые «сводимы к трем геометрическим конфигурациям <...> которые можно описывать по аналогии с самыми распространенными позами человека: стоять, сидеть и лежать»³. «В русском языке эти глаголы описывают прежде всего три разных положения человека в пространстве»⁴. Недаром девиз Союза физиотерапевтов Норвегии — «Ligge — sitte — stå — løfte — bæge — gå» («*Лежать — сидеть — стоять — поднимать — нести — идти*»). Интересующий нас глагол описывает далеко не столь распространенную позу, однако рассматривается многими, хотя и с оговорками, в одном ряду с тремя основными⁵.

¹ *Тань Аошун*. Китайская картина мира. М., 2004. С. 18.

² Толковый словарь русских глаголов / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999. С. 468–471.

³ *Тань Аошун*. Указ. соч. С. 18.

⁴ *Рахилина Е. В.* Семантика русских «позиционных» предикатов: *стоять, лежать, сидеть и висеть* // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 70.

⁵ *Гак В. Г.* Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1991. С. 13.

Если же этот глагол не включают в указанную группу, то потому, что он употребляется иначе, нежели остальные, что, в свою очередь, объясняется следующим образом: положение объекта, описываемое глаголами *henge*, *висеть*, и их соответствиями во многих других языках, противоречит условиям существования на Земле, где положение тела в пространстве определяется действием закона всемирного тяготения. Для нормального существования и деятельности большинства живых существ и, главное, человека (поскольку язык, как сейчас полагают большинство исследователей, антропоцентричен) и для нормального положения большинства природных объектов наиболее естественного уровня концептуализации (так называемых естественных классов (*natural kinds*, по Лакоффу⁶)) характерны положения, при которых у тела/объекта имеется точка опоры.

Глагол *henge* описывает такое положение тела в пространстве, при котором точка опоры располагается выше объекта или же, по крайней мере, выше его центра тяжести (*висеть на крюке, зацепившись поясом*). Такое положение характерно главным образом для объектов, обозначаемых гипонимической, родовой лексикой, например для частей растений (*висят плоды*), частей животных (*висят уши*); отмечалась также нормальность такого положения для артефактов, обладающих специальным приспособлением для размещения их в соответствующем положении (*висят корзины, зеркала, картины, котелки, лампы*)⁷. Положение тела при таком размещении центра тяжести неустойчиво, и неустойчивость составляет еще одну важную сему, выделяемую в значении глагола *висеть*⁸.

С точки зрения типологии при обозначении местонахождения в глаголах выделяются два типа — универсальный и классифицирующий, в котором выбор глагола определяется типом объекта. Е. В. Рахилина делает вывод: «...в русском языке настоящих позиционных предикатов, как оказывается, нет»⁹. *Висеть* же, по словам автора, описывает как состояние особого рода, по толкованию МАС — «держаться на чем-либо, без опоры снизу, быть прикрепленным к

⁶ Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things*. Chicago; London, 1987. P. 32, 169–170, 185–193.

⁷ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 77.

⁸ Это подробно рассматривается в статье: Кошелев А. Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. М., 1996. Вып. 1. С. 123–125.

⁹ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 76.

чему-либо, имея возможность движения в стороны»¹⁰, так и местоположение. Е. В. Рахилина особо выделяет три вида висения: то, как висят корзины, ведра, лампы, ружья, — при помощи особого приспособления; как одежда на человеке, пуговица на пальто, шерсть на собаке, провода, папироса в углу рта, что описывает нефункциональную ситуацию для данного объекта; и наконец, то, что, согласно определению МАС, должно бы описываться глаголом *висеть*, но в русском якобы невозможно: **на ней висели бусы/сережки, на стеблях — букеты роз, на деревьях — вишни/орехи* и, со ссылкой на Ю. Д. Апресяна, **Обои висят на стене*. Е. В. Рахилина объясняет это неполнотой толкования в МАС.

Попытки классифицировать классы объектов, правда для глаголов действия, предпринимались¹¹, и отчасти они совпадают с выделяемыми нами для дальнейшего. Это дискретные физические объекты или предметы, вещества, части тела человека, а также нефизические объекты. Обратимся к норвежскому материалу и, принимая антропоцентризм как исходное положение, начнем с рассмотрения использования глагола *henge* для описания положения человека.

Человек в физическом пространстве. «При помощи описываемых глаголов и в русском, и в шведском языках обозначается положение <...> одушевленного субъекта: человека, животных, птиц, насекомых», — пишет исследовательница Н. В. Зорихина-Нильссон, включающая *висеть* и его шведский коррелят в круг исследуемых предикатов¹². Наш материал показывает, что, напротив, *henge* очень редко обозначает положение одушевленного объекта. Для обозначения положения человека можно выделить три типа ситуаций.

Первый — когда «висение» осуществляют, держась рукой, лапой или хвостом за ветку, веревку, подоконник или предмет, который можно обхватить, с целью избежать падения на твердую поверхность с высоты¹³: *Du henger i tau og firer deg selv nedover et stup* (I) «Ви-

¹⁰ Это определение почти в точности повторяет определения *henge* из норвежских словарей: *Norsk riksmålsordbok*. Bd. 1–6. Oslo, 1991; *Store norske ordbok / Red. T. Guttu*. Oslo, 1991.

¹¹ См., например: *Кустов Г. И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // *Вопросы языкознания*. 2000. № 4.

¹² *Зорихина-Нильссон Н. В.* Семантика глаголов положения в русском и шведском языках // *Международный конгресс «Русский язык: история, судьбы и современность»*: Тез. докл. М., 2001.

¹³ Примеры, сопровождаемые здесь и далее пометой (I), найдены в Интернете; не помеченные взяты из толкового словаря норвежского языка (*Norsk riksmålsordbok*. Bd. 1–6. Oslo, 1991).

сишь на веревке и постепенно опускаешься вниз по уступу»; De går på line, henger i tau fra taket, balanserer, sjonglerer og dribler med baller (I) «Они ходят по канату, висят на канате у потолка, балансируют и подкидывают мячики».

Второй тип ситуаций, когда висит, собственно говоря, какое-либо вместилище, а человек стоит, сидит или лежит внутри, описывается метонимически: *висеть в гамаке, на качелях*. Такая ситуация подробно раскрыта в следующем примере: Hun bor øverst i huset, i tredje etasje, og utenfor kjøkkenvinduet, svevende i løse høstluften, henger en smilende mann i en hvit kurv... Kurven han står i henger på en lang kranarm, hun kan se litt av en kranbil der nede¹⁴. «Она живет на последнем, третьем этаже дома, и за кухонным окном, паря в прозрачном осеннем воздухе, в белой люльке висит, улыбаясь, мужчина... Люлька, в которой он стоит, висит на длинной стреле подъемного крана, грузовик крана ей немного виден».

Третий тип употреблений — метафорический (*висеть в воздухе* (о танцорах, спортсменах и т. п.)) — достаточно редок: Johnsen / Trond Hansen / sirkusakrobater / skuespillerne henger i lufta (I). «Юнсен (футболист) / Трунн Хансен (велосипедист) / цирковые акробаты висят в воздухе». Метафора тут двойная. В первую очередь *henge* в подобных конструкциях употребляется применительно к летающим или представляющимся летающими (небесным телам) объектам, живым (*Måsene henger i lufta* (I) «Чайки висят в воздухе») и неживым (*Månen henger høyt* «Луна висит высоко»), скорость движения которых и двигательные усилия для находящегося на земле наблюдателя незаметны. В таком случае они воспринимаются как сохраняющие статичное положение без опоры снизу на протяжении длительного времени. Это обычная для языка метафора; на самом деле речь идет о медленном движении, не заметном глазом. Когда речь идет о человеке, актуализируется сема длительности в значении слова *henge*, ведь на самом деле человек не только не висит (на опоре), но и не летит (летит — передвигается, не соприкасаясь длительное время с землей).

При рассмотрении глаголов положения в пространстве необходимо учитывать, что для описания положения объектов в пространстве наиболее естественно использовать локативные предложения. Однако «локативные предложения и бытийные [иначе экзистенциальные. — А. Л.] предложения, говорящие о существовании объек-

¹⁴ Seeberg E. Lykken bor på Bislet. S. 1., 1987. S. 76.

та в каком-либо фрагменте мира, относятся к единому глубинному семантическому супертипу»¹⁵. Способен ли *henge* использоваться в бытийных предложениях?

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, что «функционирование позиционных глаголов связано с понятием диспозиционного предиката»¹⁶, т. е. такого, у которого передаваемая информация входит в пресуппозицию. Если глагол положения выражает диспозиционный (т. е. типичный) предикат субъекта, то он семантически согласован с субъектом и может быть заменен экзистенциальным: *здесь стоял* = *был икаф*; *на столе стояла* = *была грязная посуда*; *справа находится* = *есть магазин*.

Viset отличен от прочих глаголов положения, которые находятся в особом положении относительно принадлежности к диспозиционным предикатам, поскольку три основных глагола положения — *лежать*, *сидеть*, *стоять* — являются диспозиционными именно для человека, и потому в нейтральном контексте, при использовании их в бытийных, а не локативных предложениях, и если поза особо не подчеркивается, легко заменяются связкой: *в комнате было несколько человек* = *в комнате сидели три человека*; *в палате лежали пять больных* = *в палате было пять больных*; *в коридоре стоял один только усталый следователь* = *в коридоре был один только усталый следователь*. *Viset* же для субъекта, обозначающего лицо (*En akrobat hang i et klatretau* «На канате висел акробат»), диспозиционным предикатом не является, а потому не используется в бытийных предложениях и не может заменяться связкой (**En akrobat var i et klatretau* «На канате был акробат»).

Социальная жизнь человека описывается при помощи глагола *henge* крайне редко. Надо отметить, что и другие глаголы положения нечасто встречаются в высказываниях, характеризующих человека как общественное существо. Это происходит главным образом в устойчивых сочетаниях, где их значение делексикализуется до такой степени, что их можно рассматривать как синоним глагола-связки¹⁷. Прак-

¹⁵ Шатуновский И. Б. Предложения наличия vs. бытийные и локативные предложения в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 189.

¹⁶ Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1991. С. 13.

¹⁷ См., напр.: Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957. С. 192; Faarlund J. T. Verb og predikat. Oslo; Bergen; Tromsø, 1978. S. 68. Полагаем, что нет необходимости разъяснять разницу между экзистенциальным предикатом и связкой.

тически такое использование *henge* ограничивается двумя устойчивыми сочетаниями (*henge i hælene på nn* «ходить за кем-л. по пятам» и *Henge i skjørtene på nn* «цепляться за чью-л. юбку»), если не считать использования его в переносном значении «болтаться, шататься (без дела)».

Для развития последнего лексико-семантического варианта существенна последняя часть определения, в которой говорится о «возможности движения в стороны». Такое движение при висении тех объектов, для которых предикат «висеть» является диспозитивным, т. е. неодоушевленных, хаотично и не целенаправленно. Именно эта сема актуализируется при таком переносном употреблении *henge*. Этот лексико-семантический вариант чаще всего используется применительно к группе людей: *Det er tross alt for det meste nordmenn som henger og slenger her (I)* «Все-таки большинство тех, кто здесь ошивается, норвежцы»; *Så henger vi på akvariet i Bergen! (I)* «И вот мы шляемся по аквариуму в Бергене!»

Положение **животных**, если они, как и человек, могут висеть, держась какой-либо частью тела так, чтобы точка опоры находилась выше центра тяжести, без проблем обозначается глаголом *henge*: *Pungrotte... henger etter halen når hun sover (I)* «Опоссум... когда спит, висит на хвосте». Примеры показывают, что то, какой своей частью объект удерживает опору, не играет никакой роли. Главное, чтобы эта часть была незначительной по сравнению с размерами тела.

Для тех животных, которые находятся в близкой для человека семантической сфере (как известно, это, в порядке убывания интереса к ним у языковой личности, домашние любимцы, домашний скот, привычные животные соответствующей природной зоны, чаще всего выступающие героями фольклора), положение тела мыслится более разнообразным, чем для мелких и редко подлежащих олицетворению¹⁸. Белка — одно из близких человеку животных севера Европы, и ее позы обозначаются при помощи всех четырех глаголов положения: *Ekornet sitter i et tre* «Белка сидит на дереве», *Ekornet ligger på en trestamme* «Белка лежит на стволе дерева», *Ekornet står der og surmuler* «Белка стоит там и дуется», *Ekornet fester bakbena i slyngplata og hiver seg over til matbrettet med resten av kroppen og blir liggende vannrett i lufta! Og der henger det og gynger!* «Белка цепляется задними лапками за подставку, кидается всем телом в сторону

¹⁸ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 70.

кормушки и расплывается (букв. «лежит») горизонтально в воздухе! И вот висит так и раскачивается!»

То же самое верно для обезьяны, так похожей на человека: *Aprikatten sitter i buret, ligger på en benk, henger i tauet/i toppen av trærne* (I) «Обезьяна сидит в клетке, лежит на скамейке, висит на веревке / на вершине деревьев».

Напротив, ленивец — животное редкое и северянину чуждое, потому его положение описывается скорее как положение неживого природного объекта: *Dovendyret henger ned fra en gren* (I) «Ленивец висит на ветке»; *Dovendyret henger med ryggen ned/i et tre* (I) «Ленивец висит на дереве спиной вниз».

Еще одно животное, менее экзотическое, но тоже редкое, — летучая мышь. Если наблюдатель и говорящий совпадают, то ситуация представляется как видимая снизу и используется глагол *henge*: *Dyrene henger rett på veggen / etter bakbena / en og en / opp-ned* (I) «Животные висят прямо на стене / держась задними лапками / по одному».

Если же повествование наблюдателя, например исследователя, ведется как бы с позиции самих животных и указывается, на чем они пристроились соразмерно с массой тела, то *sидеть* употребляется как обозначение удобной позы покоя, на первый план выходит указание на удобство положения и его длительность, что более типично для глагола *sitte*, чем *henge*: *Flaggermusen sitter på spikerslagene mellom veggbord og tommervegg* (I) «Летучая мышь сидит на шпильках гвоздей между досками обшивки и бревнами кладки».

Так же обстоит дело с насекомыми: они скорее не висят на потолке (не цепляются за ниточку и т. п.), а находятся в удобной позе покоя, которую для мелких животных обычно описывает глагол *сидеть*: *Fluen sitter på haren / på vannflaten / i taket* (I) «Муха сидит на зайце / на поверхности воды / на потолке». Но если речь идет о вынужденной неконтролируемой позе без опоры снизу, используется *henge*: *Limet gjør at fluen henger fast i taket* (I) «Муха крепко прилипла и висит на потолке».

Кроме того, для описания медленно, без видимого усилия парящих в воздухе (или в водной среде: *Sjøhesten henger stille i vannet* «Морской конек неподвижно висит в воде») животных *henge* используется метафорически (см. выше о третьем типе употреблений о человеке в физическом пространстве): *Måsene henger i lufta* (I) «Чайки висят в воздухе»; *Den feite humla henger i lufta* (I) «Жирный шмель висит в воздухе».

О растениях Е. В. Рахилина упоминает особо, утверждая, что положение частей растений должно бы, согласно определению МАС («держаться на чем-л., без опоры снизу, быть прикрепленным к чему-л., имея возможность движения в стороны»), описываться глаголом *висеть*, но в русском невозможно **на стеблях висели бутоны роз*, **на деревьях висели вишни/орехи*. Вероятно, в русском это действительно так, в норвежском же употребление вполне соответствует как определению, так и употреблению, тем более что висят части растений — а это плоды и цветы — на «особых приспособлениях» — черенках и т. п.: Vi har nå så mye kirsebær at de henger helt nede ved bakken (I) «У нас столько вишни, что она висит у самой земли»; Epler og pærer henger på trærne, når de blir modne så faller de ned (I); Busken har flotte, svartglinsende bær som henger i klaser (I) «На кусте отличные, отливающие черным ягоды, висащие гроздьями»; En gate hvor kokosnøtter og bananer henger ned i gata (I) «Улица, над которой висят кокосы и бананы». Одно из наиболее частотных крылатых слов в норвежском — Nøyt henger de, og sure er de «Зелен виноград» (букв. «Кислые они, и высоко они висят»).

Неодушевленные природные объекты могут, как человек и чайка, «висеть» метафорически, т. е. на самом деле двигаться, но незаметно для глаза. Такое использование *henge* характерно в приложении к обозначениям небесных тел, о чем уже упоминалось, и легких субстанций: Regnet / snøfiller henger i lufta (I) «Дождь / снежинки висят в воздухе».

Даже если **вещество** легче воздуха и медленно поднимается, его положение тоже обозначается в языке как неподвижное и без точки опоры: Røyken hang lavt over møblene «Дым низко висел над мебелью»; Sigaretttrøyk henger i lufta (I) «В воздухе висел сигаретный дым».

Так же описывается и восприятие, но не зрительное, а слуховое: Lyden fra gitar henger i lufta (I) «В воздухе висит звук гитары», или обонятельное: Eimen av linolje og tjære henger i lufta (I) «В воздухе висит резкий запах льняного масла и дегтя».

Еще одно употребление, общее для **природных объектов** и **артефактов**, описывает обычно положение достаточно тяжелых объектов, когда имеется одна точка опоры, незначительная по сравнению с массой тела (Borgen henger i bratthenget (I) «Крепость висит над обрывом»), или точки опоры по краям: Broen / ledningene henger (I) «Висит мост / провода», а основная масса притягивается к земле состояние провисания или нависания, ср.: pengende have «висячие сады». Такое употребление *henge* вполне соответствует определе-

нию, но описывает более редкую ситуацию, как и метафорическое употребление *henge* по отношению к медленно движущимся крупным **артефактам** — **средствам передвижения по воздуху**: *Et stort luftskip / helikoptere / ballonger / et romskip henger i luften* (I) «Большой дирижабль / вертолеты / воздушные шары / космический корабль висит в воздухе», что уже рассматривалось выше.

Наиболее же частотно и прототипично употребление *henge* относительно следующих групп **артефактов**. **Предметы мебели и обихода**, подвешиваемые за специальное приспособление (шкафы, полки, зеркала, ведра и т. п.): *Et spand / teppe / maleri henger på vegg* «Ведро / ковер / картина висит на стене»; *Tørrfisk henger på hjeld* «Вяленая рыба висит на вешалах».

Особо оговорим объект **обои**, являющиеся, по мнению Е. В. Рахилиной¹⁹, дополнителем стены, не независимым от нее, и потому их положение не может описываться глаголом *висеть*. Но, во-первых, Интернет дает массу примеров на «обои висят» — 63 600 попаданий. Даже если $\frac{2}{3}$ из них отбросить как случайные, где эти слова не образуют словосочетаний, остается тоже немало. С норвежским соответствием *tapeten henger* порядок примеров тот же, типичный пример, однако, описание ситуации в процессе оклейки: (*når*) *Tapeten henger skjevt* «Обои висят криво», т. е. действительно большинство употреблений описывают ситуацию дисфункциональную — либо процесса оклеивания, либо его некачественного результата (хотя хватает и примеров, где *henge* просто описывает вертикальное положение обоев: *Den gamle tapeten henger ennå på veggene i hovedstuen* (I) «На стенах в главной гостиной еще висят старые обои»). Главное же дело в том, что наклеенные обои крепятся к стене не только верхней частью, но и всей поверхностью, потому и глагол *висеть* не применим здесь по определению, во всяком случае, в правильной речи. В норвежском языке, как и в шведском, шире используется другой глагол положения — *sitte* «сидеть», если «предмет... прочно прикреплен / хорошо держится на этом месте. Ср.: *Tavlan hänger på väggen* (Картина висит на стене) — *Tavlan sitter på väggen* (букв. *Картина сидит на стене)»²⁰. Примеры нормального положения обоев (прочный контакт с поверхностью): *Gammel tapet... sitter godt fast, pass på at tapeten sitter godt inntil vegg* «Старые обои... хорошо держатся, следите, чтобы обои прилегали к стене» (в отличие,

¹⁹ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 79.

²⁰ Зорихина-Нильссон Н. В. Указ. соч.

скажем, от занавесок, которые закреплены только сверху и потому всегда «висят»: Gardinene henger rett opp og ned (I) «Занавески висят неподвижно»). Потому не согласимся, что самый главный нелокативный компонент семантики этого глагола, роднящий его с другими позиционными глаголами — это компонент его значения «независимость объекта», на чем настаивает Е. В. Рахилина.

Относительно предметов **одежды** в цитированной работе утверждается, что ее «висение» всегда воспринимается как нечто негативное. Позволим себе не согласиться и с этим. Для данного рода объектов существует, во-первых, чисто функциональное «висение» при хранении — в шкафу, на плечиках и т. п.: Hatten henger her / over stolen / i garderobe (I) «Шляпа висит здесь / на спинке стула / в гардеробе». Если же одежда надета, то слово *henge* употребляется при свободном облепании независимо от того, причиной ли этому недокормленность человека (Fillene hang og slang rundt ham (I) «Лохмотья болтаются на нем») или его богемный вкус (Hun drukner nesten i det moderne hippieskjørtet, og toppen henger og slenger som en slapp vaskeklut om den vevre kroppen (I) «Она почти утонула в модной хипповой юбке, а топик посудной тряпкой висит на под- жаром теле»).

Очевидно, **лампы, гирлянды** и прочие подобные предметы висят вполне прототипически: Når du ser det henger girlandere i butikkvindue, er det jula det er pyntet for (I) «Когда видишь, что в витринах магазинов висят гирлянды, это украшения к Рождеству». Казалось бы, то же самое должно быть верно и для украшений. Е. В. Рахилина же указывает, что иногда вопреки ожиданиям невозможно употребить диспозиционный предикат: **На ней висели бусы*, — и объясняет это тем, что характер связи объектов в таких случаях особый — дополнительный, т. е. висеть в нормальной ситуации можно только особым образом, только на шее, а не на руке, и употребление диспозиционного предиката разорвет привычную связь между объектом и его дополнителем²¹. Считаем, что *висеть* не подходит здесь потому, что бусы не висят, свободно болтаясь, а лежат на плечах и груди. Высказывания *У нее на шее висел крестик/кулон/бриллиант*; ср.: Smykken henger fra hofte/ned i pannen (I) «Украшение висит на бедре/на лбу» воспринимаются нормально, поскольку эти объекты висят прототипически для артефактов — с помощью «приспособления» (на цепочке, ленте), т. е., даже по

²¹ Рахилина Е. В. Указ. соч. С. 79.

классификации Рахилиной, канонически, в то время как шею, на которой висят бусы или цепочка, считать «приспособлением» вряд ли возможно. Это часть тела человека, эвентуально — животного (*Halsbånd ligger mot hundens hals* «Ошейник прилегает к шее собаки»), и сама по себе указывается как объект, на котором «висят». Поэтому можно сказать *На шее у нее висели бусы/связки баранок* и *На руке у нее висели браслеты*, но нельзя сказать *На ней висели бусы/браслеты/связки баранок*.

Вот шарф, платок, боа и прочее, концы которых могут свисать низко и болтаться, вполне могут «висеть» в обоих языках: *sjerf som henger fra nakken; en sort sjerf som henger ned på en kåpe; boa henger på skuldrene* (I) «шарф, висящий на затылке; черный шарф, свешивающийся с пальто; боа висит на плечах».

В основном набор ситуаций, описываемых при помощи обоих глаголов — *висеть* и *henge*, — этим исчерпывается. Выше цитировалось высказывание о едином семантическом супертипе локативных и бытийных предложений. Однако далее автор отмечает, что «существуют и другие модели — ни то, ни се, ни существование, ни местонахождение. Таковую особую модель, которую нельзя свести ни к бытийным, ни к локативным предложениям, представляют предложения типа: <...> На стене висит картина...», и предлагает назвать их «предложениями наличия»²². Особенностью их в русском языке является то, что «отсутствует специальный показатель для выражения этого типа соединения, совмещения. Поэтому в качестве *связки* здесь употребляются делексикализованные глаголы с контекстуально выветрившимся лексическим, «вещественным» значением... Достаточно стандартно в таких случаях употребляются, по возможности, глаголы положения в пространстве. Это справедливо и для прототипических употреблений *henge: det henger = er en lampe i taket* «на потолке (висит) лампа».

В каком качестве выступает глагол, позволяет судить контекстное окружение. При этом в значении самих глаголов наблюдается «континуальный переход по мере нарастания или, с другой стороны, убывания степени лексикализованности значения глагола, наложения на связочное значение других признаков, вещественных компонентов». Бывает, однако, неясно, «функционирует ли вводный глагол в качестве заполнителя дуративной конструкции по отношению к последующему глаголу. В некоторых сочетаниях значение

²² Шатуновский И. Б. Указ. соч. С. 191–195.

вводного глагола скорее самостоятельно, так что есть основания полагать, что здесь два независимых члена»²³.

Очевидно, что в особенности для экзистенциальных предикатов специфика диспозиции положением объекта и определяется: на столбе висит фонарь, под потолком висела гирлянда, на пальме висят гроздья бананов²⁴. Развитие полисемии глаголов положения «на основе усиления роли того или иного компонента толкования их основных прототипических значений» уже служило объектом исследований²⁵, однако для глагола *henge* вывод, что он обозначает положение «одушевленного субъекта: человека, животных, птиц, насекомых. Различия касаются отдельных поз», не подтверждается.

Обратимся к работам С. С. Масловой-Лашанской, внесшим значительный вклад в изучение механизмов развития полисемии. Один из двух типов лексической десемантизации, упоминаемых С. С. Масловой-Лашанской, — «грамматикализация, «перерастание лексического значения в грамматическое», которое «развивается в одном из лексико-семантических вариантов, который превращается в служебное слово»²⁶. Наиболее полная и современная норвежская грамматика²⁷ в качестве одного из наиболее распространенных способов выражения курсивного вида действия упоминает модель, в которой глагол состояния в соответствующей форме соединен союзом *og* «и» со смысловым глаголом в той же форме.

Субъектом в такой конструкции чаще всего выступает человек или иной объект, мыслимый как одушевленный, и потому исходное значение глагола *henge*, обозначающее нетипичное для таких объектов положение в пространстве, снижает частотность его употребления в соответствующей конструкции, однако не делает ее вовсе невозможной. В корпусе примеров указанной грамматики *henge* не фигурирует. Тем не менее *henge* в такой конструкции встречается: *Kniven hang og slang i beltet* «Нож болтался (досл. «висел и болтался») на поясе»; *På KappAhl-settet ryker tapen allerede etter første vask, slik at den bare henger og dingler på jakkene (I)* «В магазине “Капп-

²³ *Vannebo Kj. I. Aksjonsart i norsk*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1969. S. 30. Перевод наш. — А. Л.

²⁴ Гак В. Г. Указ. соч. С. 13.

²⁵ См., например: Зорихина-Нильссон Н. В. Указ. соч.

²⁶ Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 153.

²⁷ *Faarlund J. T., Lie Sv., Vannebo Kj. I. Norsk referansegrammatikk*. Oslo, 1997. S. 647–648.

Аль” липучка не держится уже после первой стирки, так что она просто висит и болтается на куртке».

В таком значении, служащем для передачи процессуального видового значения длительности действия, глагол *henge* выступает как полувспомогательный: «...значение у первого глагола стерто, и он служит здесь, скорее всего, для подчеркивания длительности той деятельности, которую выражает второй глагол. Вводные глаголы находятся в процессе превращения во вспомогательный глагол с грамматическим значением»²⁸. О том, что два глагола видовой конструкции не равноценны, свидетельствует невозможность поменять их местами или поставить отрицание к обоим.

Однако лексическое и грамматическое значения в этой конструкции не разделены непроницаемой преградой, а составляют континуум, и значение глагола в каждом высказывании трактуется в зависимости от того, какая сема актуализируется — сема положения в пространстве или сема состояния, длящегося во времени.

Какой лексико-семантический вариант позволяет превратиться в служебное слово глаголу *henge*? Очевидно, именно тот, что позволяет считать глаголы положения в пространстве (как и прочие стативы) маргинальными по семантике для прототипических глаголов: «Под маргинальными я подразумеваю глаголы, значение которых не делает очевидной их лексикализацию в качестве глаголов. Маргинальные глагольные группы — это в первую очередь стативы»²⁹. В этом лексико-семантическом варианте на первый план выходит статичность соответствующего положения, его длительность во времени, т. е., согласно определению С. С. Масловой-Лашанской, «конкретные, наглядные семы, которые отражают физические свойства денотатов, обозначаемых примарными ЛСВ, обладают способностью исчезать из содержания секундарных ЛСВ... Утрата “наглядных” сем ведет к потускнению образности, поскольку она ослабляет связь секундарного ЛСВ с примарным»³⁰. Именно такой десемантизацией (2-го типа, по определению С. С. Масловой-Лашанской) характеризуются «синкреты, то есть предикаты, способные передавать комплексную семантику, в которых сопряженные семантические признаки являются рав-

²⁸ *Faarlund J. T., Lie Sv., Vannebo Kj. I. Op. cit. S. 534.*

²⁹ *Ottoson Kj. G. På väg mot en prototypisk klassificering av ordklassen «verb» // Papers from the Ninth Scandinavian Conference of Linguistics. Stockholm, 1986. S. 252.*

³⁰ *Маслова-Лашанская С. С. Номинация и полисемия в шведском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1973. С. 153.*

ноправными компонентами значения и функционируют в высказывании как созначения»³¹. Глаголы же положения в пространстве как раз и относятся к предикатам-синкретам³². Они «сразу называют несколько семантических элементов... хотя в высказывании эти семы могут актуализироваться в разной степени».

Представляется, что именно окружение (а именно, является ли глагол *henge* диспозитивным предикатом для данного объекта?) позволяет определить, какая из сем выступает на первый план в каждом конкретном случае. Если для объекта предикат не диспозитивен, то главной оказывается именно сема положения: *Dovendyret henger og sover i en gren* «Ленивец висит и спит на ветке» (обычно животные спят лежа, а не в подвешенном состоянии). Если да, то значение соответствующего положения в пространстве уже входит в семантику объекта и актуализируется сема длительности: *Men de andre kjolene henger og venter og damen gir ingen nåde (I)* «Но остальные платья висят и ждут, а дама не знает пощады» (платья в магазинах обычно висят).

Повторим, речь идет лишь о преобладании одной из двух сем. Сема длительности присутствует в значении глаголов положения в любом случае. Этим можно объяснить то, что «значение норвежских глаголов часто ослаблено по сравнению с их английскими эквивалентами, и они сближаются по значению просто со связкой»³³. Ведь в английском языке имеется система продолженных времен *continuous*, отсутствующая в норвежском. Для передачи соответствующего смысла в норвежском языке в случаях, когда возможно употребить диспозитивный предикат, используется конструкция с глаголом положения, что, естественно, повышает встречаемость таких глаголов, с одной стороны, а с другой — утрату ими в значительной степени лексического значения.

Однако делек்சикализация значения глагола зависит как от рода объекта, так и от семантики самого глагола. Очевидно, что наименее грамматикализован в длительной конструкции именно глагол *henge*, который может обозначать типичное положение значительно

³¹ *Конецкая В. П.* Семантические типы слов // Вопросы языкознания. 1993. № 6. Цит. по: *Матханова И. П.* Статальные ситуации и статальные предикаты // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всерос. науч. конф. СПб., 2001. С. 74.

³² См.: *Матханова И. П.* Указ. соч. С. 74.

³³ *Johansson St.* Verbs of posture in English and Norwegian // *ling. uib. no.*

меньшего числа объектов, чем прочие глаголы положения, поскольку он не является диспозитивным предикатом для одушевленных объектов. Поэтому *Det står en mann på trappen* «На лестнице стоит мужчина» обозначает нормальную ситуацию и может быть заменено на *Det er en mann på trappen* «На лестнице мужчина», а *Det henger en mann på trappen* «На лестнице висит мужчина» нетипично и может быть понято либо в том смысле, что человек сорвался с лестницы, но успел зацепиться за нее руками, или что это тело повешенного. В таком случае замена *henge* глаголом-связкой невозможна без ущерба для содержания.

Таким образом, лексическая семантика глаголов *henge* и *висеть* лежит в основе отличий в функционировании этих глаголов по сравнению с тремя основными глаголами положения и является причиной минимальной десемантизации глагола *henge* в норвежском языке.

A. N. Livanova

ON SEMANTICS OF THE VERBS *ВИСЕТЬ* AND *HENGE*

Together with the verbs *ligge*, *sitte* and *stå*, the verb *henge* is regarded as a posture verb, but some of its functional peculiarities makes that it often is considered on a separate basis. Analysis grounded on S. S. Maslova-Lashanskaya's delexicalisation process description leads to a suggestion that the weaker grammaticalisation of *henge* in comparison both with the Norwegian basic posture verbs and with its English counterpart may be rooted in its lexical notion.